

Финляндские тетради

Выпуск 5

2004

Институт России и Восточной Европы
Annankatu 44, 00100 Helsinki
Тел.: (09) 2285 4434, факс: (09) 2285 4431
www.rusin.fi

«ФИНЛЯНДСКИЕ ТЕТРАДИ» – неперидическое издание Института России и Восточной Европы. Точка зрения авторов не обязательно совпадает с мнением издателя.

Институт предоставляет возможность опубликовать тексты, связанные с русской культурой и жизнью переселенцев в Финляндии. Материалы в *Финляндские тетради* можно предложить по адресу minni.hygkkanen@rusin.fi. Дополнительная информация: Минни Хюрккянен, Институт России и Восточной Европы, тел. (09) 2285 4448.

Выпуск 1 (2003) Эдвард Хямяляйнен: Из жизни русских в Финляндии

Выпуск 2 (2004) Некоторые аспекты общей истории Финляндии и России

Выпуск 3 (2004) Составитель Эдвард Хямяляйнен: Хроника культурной и общественной жизни русской диаспоры в Финляндии. 1930-е гг.

Выпуск 4 (2004) Вопросы современной литературы российской провинции

ПОВОЛЖЬЕ И ПРИКАМЬЕ КОНЦА XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ ФИНСКОГО СТУДЕНТА СЕВЕРИ НЮМАНА

Предисловие

В связи с финским национальным пробуждением в XIX в. финно-угорские народы России стали представлять значительный интерес для гуманитарной научной общественности Финляндии. Для того, чтобы лучше познавать свою историю и происхождение финского языка, была развернута активная научно-экспедиционная работа среди родственных по языку народов. Это направление научной и общественной мысли увлекло Арвида Генетца (Arvid Genetz), который в 1889 г., будучи доцентом Хельсинкского университета, совершил путешествие, охватившее поселения коми-язьвинских пермяков, удмуртов и мордвы. В качестве спутника-помощника с А.Генетцом следовал студент Севери Нюман (Severi Nyman).

По-видимому, тот факт, что среди предметов, которые Нюман изучал в университете, было финно-угорское языкознание, содействовал тому, что выбор Генетца выпал на него. Кроме этого, Нюман проявлял склонность к журналистике. Поэтому спутники уже предварительно договорились о том, что Нюман будет посылать свои путевые заметки в главную в то время финскую газету «Uusi Suometar». В XIX в. на ее страницах довольно часто публиковались письма из поездок финских исследователей о финно-угорских народах. Через прессу сведения о родственных по языку народах в доступной форме получили распространение среди широких слоев населения. Ниже вниманию читателя предлагаются рассуждения финского студента о пребывании у родственных народов, а также общие впечатления, полученные во время путешествия в Поволжье и Прикамье.

Однако до перехода к самим письмам, уместно привести некоторые сведения об их авторе. С.Нюман (1865-1924) родился в провинции Хяме в семье сельского кузнеца. После окончания гимназии в 1888 г. он продолжал учебу в Хельсинкском университете, который он, получив степень магистра философии, окончил в 1893 г. Свою трудовую карьеру Нюман начал в системе свободного дополнительного просвещения молодежи и взрослых (высшие народные училища, народные университеты). Однако помимо этого он уже в 1890-х гг. преуспевал также как журналист и писатель. В 1903-05 гг. он жил в США, редактируя там финно-язычные иммигрантские газеты. По возвращении на родину продолжал журналистскую работу. Как и многие другие представители патриотической интеллигенции того времени, Нюман тоже заменил свою шведскую фамилию на финскую: с 1906 г. его фамилия стала Нуормаа (Nuortmaa, в переводе это «Молодая земля»). В 1905-08 гг. он работал главным редактором газет, в начале в Тампере, а затем в Хельсинки. Во время проживания в столице, Нуормаа в 1906-08 гг. также был председателем Союза писателей Финляндии. Последние пятнадцать лет своей жизни Нуормаа прожил в старой столице страны, Турку. Там он в 1909-19 гг. служил ректором городского народного университета, а в 1919-24 гг. был главным редактором газеты «Turun Sanomat». С 1916 г. он также являлся членом городской думы¹.

А.Генетц и С.Нюман начали свое общее путешествие 7 мая 1889 г. За две недели они добрались из Хельсинки до первого места назначения, которым была деревня Паршакова в Пермской губернии. Потом, в июле, Генетц и Нюман собирали языковой материал в Вятской губернии недалеко от Ижевска в двух удмуртских селениях². Оттуда они уехали

¹ Suomen kirjailijat 1809-1916. Хельсинки: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993. С. 548-49.

² Об изучении А.Генетцем удмуртов см.: Загребин А.Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы, 1999. С. 40-42.

27 июля, чтобы следовать по Каме и Волге до Самары, а потом по железной дороге в сторону Уфы к мордве-эрзе. Однако корреспонденция Ньюмана неожиданно прекращается, и письма о мордве отсутствуют. Вероятно, что это произошло из-за болезни Ньюмана. На родину, по-видимому, исследователи направились где-то во второй половине августа. Генетц, однако, остановился еще на несколько недель в Санкт-Петербурге и его окрестностях. В письме, датированном в Хельсинки 12 сентября и адресованном Генетцу, Ньюман ссылается на свою болезнь – он похудел и оброс бородой почти до неузнаваемости. Но в предыдущий вечер перед написанием письма он уже выходил и был в Доме Студенческого союза, где он оказался окруженным множеством вопросов касательно их совместной экспедиции к восточным финно-уграм³.

В письмах, адресованных газете «Uusi Suometar», Ньюман пользуется теми названиями финно-угорских народов, которые были приняты в конце XIX в. Приведем их современные названия: *коми* (зыряне), *манси* (вогулы), *коми-пермяки* (пермяки), *коми-язвинцы* (пермяки), *удмурты* (вотяки).

Ниже приводится полный перевод писем. Все сноски добавлены переводчиками-редакторами текста.

Сеппо Лаллукка,
Георгий Чагин

Письмо №1, Хельсинки – Чердынь
(«Uusi Suometar». 2 июня 1889 г.)

Вечером 7 мая поехали доктор Генетц и его помощник нижеподписавшийся⁴ в научную экспедицию в Восточную Россию к родственным народам – пермякам, вотякам и мордве. Поскольку с доктором Генетцем была договоренность, что ведение путевых заметок входит в круг моих обязанностей, я предлагаю читателям газеты «Uusi Suometar» следовать моему описанию.

На следующий вечер, когда Карелия была уже позади, мы прибыли в Санкт-Петербург. Разместив вначале наш багаж в ресторане, мы пошли посмотреть эту метрополию и заодно сделать необходимые нам покупки. Солидные каменные храмы, памятники, а также широкие и ровные улицы были заполнены народом и транспортными средствами достаточно плотно. Вот в таком виде предстал перед нами Санкт-Петербург во время двух или трехчасового осмотра. Мы устали от прогулки, но когда на нашем столе оказался кипящий самовар, испытали немало приятных ощущений. Выпив чай, мы легли отдыхать.

Первоначально мы намеревались ехать в Нижний Новгород через Москву. Но выяснилось, что волжские пароходы поднимаются вверх по реке до Рыбинска. Поэтому решили выбрать этот путь. В 9 часов утра мы выехали из Санкт-Петербурга. От него 30 миль⁵ до станции Бологое, затем по железнодорожной ветке до Рыбинска.

Местность здешняя равнинная, поэтому железная дорога идет прямо. Кое-где она пересекает реки. Весьма заметно, что из берегов вышла река Волхов. Многие дома оказались в воде, их стены со всех сторон омываются волнами. То и дело, встречные поезда в мгновение ока мчатся мимо. Дело в том, что на этом направлении проложен двух рельсовый путь.

С Петербургского вокзала с нами ехал один железнодорожный чиновник – Петр Августович, как он сам представился. Общение с ним подвергло мои знания русского языка большому испытанию, которые, надо признать, были еще весьма шаткими.

³ Литературный архив Общества финской литературы (г. Хельсинки): 790:6:1:1-8.

⁴ С.Нюман – автор писем.

⁵ С.Нюман применял старую финскую меру длины «peninkulma», соответствующую 10 км, и переведенную нами как «миля».

Впрочем, он оказался веселым мужчиной, настоящим польским джентльменом, «сильно почувствовавший ко мне симпатию», как он отмечал. Он повторял, что «любит» меня – «люблю, люблю», и когда ему выяснилось, что я понимаю его слова, он крепко обнял меня. Подобные душевные, доброжелательные люди не являются редкостью в России. Мы зачастую встречали таких людей на нашем дальнейшем пути.

В Бологое мы приехали в 8 часов вечера. Здесь задушевно попрощались с Петром Августовичем. Во время остановки мы кушали жареную телятину. Перенесли наши вещи и сели на другой поезд, который через некоторое время направился в сторону Рыбинска. Его мы достигли в 8 часов следующего утра, проехав от Бологого расстояние в 30 миль.

Рыбинск расположен на левом берегу Волги, он представляет собой настоящий русский провинциальный город. Его грязные улицы сравниваю с полями, усеянными камнями. Большинство строений низкие, сколоченные на скорую руку из неотесанных бревен, причем рубка углов такова, что бревна выступают наружу. Каменные строения скромные, если не учитывать семь городских церквей, часть которых впечатляет своей статностью.

Тем не менее, как портовый город на Волге, Рыбинск имеет большое значение. Когда мы проехали через город с железнодорожного вокзала в порт, перед нами открылся вид на Волгу, на которой десятки судов готовились к плаванию в южном направлении. В начале наше внимание привлекли пароходы, стоящие привязанными друг к другу. Над каждым пароходом развевался флаг со словом «Самолет» (это было название одной из судоходных компаний, которых на Волге много).

В одном из этих пароходов, названном «Отважный», мы разместили наши вещи. После утреннего кофе в ресторане, где нам впервые пришлось знакомиться с нищими монахами и монахинями, мы вернулись на наш корабль. В 11 часов «Отважный» поплыл по Волге. А Волга – могучая река. Пароходы сотнями кишат на ее водах. Все берега хорошо обжиты. Плыдем мимо крупных сел, полей, церквей, монастырей, городов. Левобережье, как правило, низменное, а правый берег почти везде круто поднимается от поверхности воды. Подобная закономерность, говорят, наблюдается и на многих других реках России, и, как полагают, причиной этого стало вращение земного шара. Волга кипит жизнью, как под водой, так и на поверхности, и на своих берегах.

Самые красивые строения на Волге – это монастыри. Представительный, покрытый белой краской главный корпус с пятью башнями, купола, сияющие или зеленым цветом, или золотом, возвышающаяся многоярусная звонница, а вокруг красивая ограда с остrokонечными столбами и арками-проходами – вот в таком виде монастырь предстает путешествуя по Волге. Раскрывает он себя внезапно из-за зеленого лиственного леса, либо торжественно возвышается на высоком берегу, откуда его купола глядят в водную гладь. Чрезмерный внешний блеск свидетельствует о прошлом, да и сегодняшнем его богатстве. В России много монастырей и они продолжают играть весомую роль в просвещении народа.

Наш пароход остановился у Толгского монастыря, находящегося вблизи Ярославля, чтобы пассажиры могли участвовать в богослужении. Здесь, в этой окрестности, волжские панорамы, наверное, самые прекрасные. Как только корабль причалил к берегу перед монастырем, колокола зазвенели и пассажиры с непокрытой головой, перекрестившись, направились к монастырской часовне. Молебен занял всего несколько минут. После того, как пассажиры поцеловали святой крест и поставленную перед алтарем икону Марии, они возвратились на борт. В этом святом месте пассажиры не переставали глядеть на монастырь через окна парохода и осенять себя крестным знаменем. Общеизвестно, что русские постоянно соблюдают такой обычай благословения и в путешествии по Волге они заняты этим чуть ли не непрерывно. К примеру, у окна горячатся между собой в споре два бородатых мужика. Но как только на берегу показывается храм, старики без

малейшего замедления начинают ревностно кланяться священному храму. Как только храм скрывается из виду, старики продолжают свой спор.

Но давайте продолжим наш путь. После великолепного Толгского монастыря первая наша остановка – Ярославль. Этот небольшой город стоит на правом берегу Волги, в 8 милях вниз по реке от Рыбинска. На левом берегу, напротив города, также стоит замечательный монастырь. Так же, как в Толгском, наш корабль подходит к причалу для молебна. В этот раз, однако, я пропустил богослужение, так как по достаточно крутой лестнице поднимался на высокий берег. Здесь великолепный парк. В окружении лиственного леса стояло прекрасное здание женского учебного заведения при монастыре. Туда зашло несколько путешественников, а одна красивая черноглазая русская девушка, следовавшая из Санкт-Петербурга с нами, осталась здесь совсем, хотя я надеялся, что она будет нашей спутницей хотя бы до Перми. Ее детские застенчивые черты припоминались мне впоследствии.

Под девятого вечером «Отважный» входил в костромской порт. До прибытия сюда мы на Волге оказались свидетелями печально-захватывающего зрелища: одно большое село сгорало. Десятки домов оказались в огне, страшное пламя отражалось на поверхности Волги. Наш пароход сбавил скорость и дал сигналы бедствия, но, тем не менее, продолжал свой путь до Костромы без остановки.

Так как стоянка в порту продолжалась пару часов, я решил пойти и осмотреть город. Издалека он производил солидное впечатление. Непосредственно на берегу стояла пятиэтажная каменная стена паровой мельницы. Я отправился на прогулку, но сильно разочаровался. Оказывается, что Рыбинск и Кострома как две капли воды, в последнем лишь улицы еще в худшем состоянии, чем первом. Как правило, мощеных улиц нет, и во время засухи приходится ходить по городу в пыли и удушающем воздухе. О тротуарах на таких улицах и речи быть не могло. Что касается домов, которых в каждом квартале имелось не так уж много (остальное пространство было занято большими садами), то их никак нельзя сравнивать с избами в провинции Хяме⁶, настолько примитивным представлялся здесь стиль строительства. Кое-где стояло несколько каменных стен, рядом с которыми строения-лачуги принимали жалкий вид. Но костромская эспланада выглядела уютной. Она представляет большой парк рядом с Волгой. Привлекательность парку придавали балаганы с аттракционами и летний ресторан, в котором барский люд города сидит за чаем, а также простой небольшой фонтан перед рестораном.

Во время всего пути предметом общего удивления являлись наши лопарские сапоги с загнутыми носками. Они, по-видимому, представлялись забавными. Когда я ходил по эспланаде, костромские барышни громко смеялись надо мной. Возможно, они предполагали, что в сумерках я хожу босиком⁷. Сначала смотрели на обувь, затем на шапку и, как это казалось мне, то и другое представлялось для русских весьма смешным.

После Костромы – Нижний Новгород. Он стал для нас двенадцатой остановкой. Сюда мы приехали 11 мая после полудня.

Нижний Новгород, располагавшийся на обоих берегах при устье Оки, – впечатляющий город. Его юго-восточная часть, которая по отношению, как к Волге, так и Оке, расположена на правобережье и построена на высокой горе. Здесь своеобразно привлекательными выглядят улицы-овраги, – я бы так их назвал. На дне глубокой V-образной борозды идет улица, на ее обеих сторонах-террасах стоят здания, а тротуары проложены несколько саженей выше уровня улицы. Эти зеленые овраги и обрывы, со скрецивающимися и изящно огороженными тротуарами как внизу, так и на обочинах, производят приятное впечатление, тем более что здесь еще вдобавок можно нередко видеть часовню с белой колокольней, поднимающейся к небу. Железная дорога идет по

⁶ С.Нюман являлся уроженцем этой финской провинции.

⁷ Лопарские сапоги обычно изготавливались из светлой кожи. Они были характерны для лопарей (саамов), проживавших на севере Финляндии.

левой стороне Оки. Там же проводятся всемирно известные ярмарки. Не торгуясь, мы заплатили извозчику сумму, которую он сам предварительно назвал. Но как только мы сошли с его таратайки, русский громким голосом начинает требовать больше. Но мы оставили его твердить свое, и пошли в сторону нашего ночлега. А за нами еще продолжали нестись его прошения «пожалуйста! пожалуйста!». Подобное, кстати, встречается совсем не редко.

На следующее утро мы сели на корабль, следовавший до Перми. Путь от Нижнего Новгорода сюда 150 миль, и «Иван» совершил его за трое с половиной суток. Но в начале мы еще поплавали около 50 миль по Волге, а потом расстались с могущественной рекой и повернули на север по реке Каме. Пытаясь при своем слиянии с Волгой показаться такой же величественной, Кама очень разлилась и затопила половодьем десятикилометровую полосу своего левобережья. Этот берег Камы является равнинным и низменным, тогда как правая высокая сторона часто круто поднимается над водой. Хотя на Каме отсутствуют те «тысячи сел и городов», о которых говорилось выше, эта река также богата прекрасными панорамами. Осматривая их и вместе с тем дыша мягким воздухом, который имел аромат от зеленевших на берегах тополиных рощ, мы испытывали на палубе «Ивана» немало приятных моментов. Надо сказать, что на всем протяжении нашего пути погода очень благоприятствовала, и в целом время прошло интересно. Путешествовать на пароходе – дело в общем приятное, хотя финской чистоты нам здесь и не хватает – понятие, которое русским почти что незнакомо. Сейчас я лишь вскользь упомяну о том, как русские гладят салфетки. Способ этот крайне практичен. Разостлав салфетку на столе, официант берет воду в рот, чтобы с громким дребезжащим звуком брызнуть ее на салфетку. Потом он вытягивает ее пару раз, и таким образом все глажение закончено. В хорошем ровном виде она потом появляется на столе.

Впрочем, как я уже отметил, русские – народ дружелюбный, с ними легко ладить, надо только терпеливо приспособливаться к их доброжелательной болтовне. Однажды в ответ одному из членов экипажа корабля, с любопытством интересовавшемуся кто мы такие, я сказал, что мой спутник – доктор из Финляндии. Эта новость быстро распространилась по всему пароходу. И спустя некоторое время, один старик, кланяясь, подошел к моему товарищу, чтобы узнать, не хотел ли бы господин доктор полечить ногу его дочери, которая болит уже давно. В ответ мой спутник объяснил, что он не доктор медицины. Старик удивился и долго смотрел на доктора, который ног лечить не умеет. Тем не менее, прибыло еще немало стариков и баб просить помощи «у доктора», но – досадно для них – с таким же малоутешительным результатом ушли.

В Пермь мы приехали вечером 15 мая. Корабль пристал к берегу раньше указанного времени в расписании. Все дело в том, что группа английских кругосветных путешественников спешила здесь не опоздать на поезд, следующий в Екатеринбург. Каждый член группы, как рассказал их переводчик, взял с собой сумму, эквивалентную 15 тыс. рублей, чтобы на эти деньги ездить так долго, как будет возможно. Оказалось, что наш официант добродушный русский. На протяжении всего пути он предполагал, что доктор Генетц – повар этой компании путешественников-англичан. И когда англичане покинули пароход, а «повар» особо никуда не торопился, он пришел и любезно сообщил о прибытии корабля к месту своего назначения. Заодно он выразил удивление по поводу того, «зачем господина не приняли в группу в качестве переводчика, поскольку Вы владеете русским языком намного лучше, чем тот человек, который теперь исполняет функцию переводчика».

Город Пермь – столица Пермской губернии – расположен на красивом месте, на левом берегу Камы. Впрочем, этот город уже по своему внешнему виду чище и приятнее, чем те, которые мы видели до сих пор в пути, за исключением Нижнего Новгорода. Тут и пышные здания, среди которых гимназия и женская школа выглядят особенно хорошими, и уютные парки. А среди них выделяется особенно тот парк, который находится рядом с

Камой. Это место, где пермские барышни прогуливаются вечером. Здесь мы отметили удачный приезд, выпив две бутылки медового напитка. От родины мы отделились на расстояние в 300 миль. Из разных предлагаемых развлечений можно было бы выбрать цирк, панораму или театр («Отелло»), но мы сочли лучшим пойти в баню, откуда вернулись чистыми и освеженными в гостиницу, к самовару, а потом легли спать.

На следующий день опять предстояло продолжение путешествия по воде. Если в бассейне нижней Камы развивается железодельная промышленность, то теперь наш путь пролегал по территории с солеварнями. Они характерны для севера Пермской губернии, поскольку здесь много месторождений соли. От них и получили свои названия такие места как, например, Соликамск и Усолъе. На заводах, построенных в таких местностях, варят соль. В глубокой древности соль размывалась с Уральских гор, и занеслась сюда подземным путем⁸. Кстати сказать, чем дальше на север мы едем, тем более лесистыми становятся берега Камы, и все реже можно видеть такие красивые пейзажи, которыми мы любовались в низовьях реки. Из Перми мы следовали в город Чердынь, который стоит у одного из левых притоков Камы⁹. Сюда из Перми 32 мили. Проводив на корабле две ночи, мы прибыли в Чердынь 18 мая в 7 часов утра.

Не очень далеко от Чердыни, в 8 милях к востоку от нее, село Верх-Язьва, где живут пермяки¹⁰. Для начала это главное место назначения нашей экспедиции. Есть сведения, что там имеются церковь и школа, а почту туда доставляют два раза в неделю. Таким образом, нельзя сказать о наших тамошних родственниках, что у них царил полная темнота.

Пока я заканчиваю краткий очерк, который успел написать в течение нашего пути совершенного за короткое время. В дальнейшем, если это будет представлять интерес для читателей газеты «Uusi Suometar», я намерен рассказать о нашем пребывании среди камских финнов.

С. Н.

Письмо №2, д. Паршакова, 6 июня 1889 г.
(«Uusi Suometar». 21 июня 1889 г.)

Как я отметил в своем предыдущем письме, мы приехали в Чердынь утром 18 мая. Накануне ночью похолодало, и в течение дня падал снег. Он покрыл улицы города, которые до этого уже успели зазеленеть. Так как в городе ресторана не оказалось, мы остановились у извозчика, который привез нас с пристани в город. Нашелся один трактир, туда мы и направились обедать. На следующее утро в 9 часов нас ждала пара лошадей, впряженных в коляску. Повозка, как русские называют это средство транспорта, длинноватая корзина, сплетенная из прутьев. А ее задняя часть имеет примерно такую же крышу, как у нас крытый экипаж. Таким образом, даже при плохой погоде в ней можно ехать достаточно удобно. Без промедления наша повозка двинулась вперед.

Мы ехали быстро несколько верст, пока добрались до Колвы¹¹, которая является одним из притоков Камы, берущей свое начало на Урале. Через нее надо было переплыть на пароме. Но эта переправа вовсе не оказалась сложным делом. Лошади и обоз были

⁸ Это утверждение С.Нюмана необходимо уточнить. Соль (каменная и рассолы) образовалась исключительно в результате экзогенного процесса – осадконакопления. Выварка поваренной соли производилась из естественных рассолов, которые выкачивались из пробуренных скважин.

⁹ Чердынь расположена на правом берегу Колвы, впадающей через 7 км в Вишеру, которая является левым притоком Камы.

¹⁰ Село Верх-Язьва – центр волости Чердынского уезда, в которой сосредотачивались пермяки (коми).

¹¹ Здесь С.Нюман перепутал, назвал реку Вишеру рекой Колва.

загнаны на большую лодку, а мужики взялись за весла. Так мы скоро добрались до противоположного берега, откуда продолжалась наша быстрая езда на повозке.

Путь из Чердыни до Верх-Язьвы – это 8 миль среди темных лесов. По пути четыре постоянных двора. После первой остановки мы продолжали наш путь на тройке. А это ведь впечатляющая езда. Несмотря на неровную дорогу, лошади скачут во весь опор. А русский извозчик ведет себя все громче и громче. Он непрерывно командует лошадьми и прибавляет к своим словам удары кнута. Хотя наша повозка то и дело чуть не опрокидывается, а люди в ней оказываются в неожиданных позах, ее ход все же по-своему захватывает душу. Дорога идет то по краю глубокого оврага, опрокинуться в который сулило бы огромное несчастье, то вдоль болотистой долины, где нашей тройке только с трудом удастся пробираться. Вместе с тем на нашей дороге бывают временами и местности с открытым видом. Когда мы достигаем вершины какого-нибудь холма, перед нами открываются могучие снежные Уральские горы, которые заполняют восточный горизонт. Еще в Чердыни мы могли любоваться одной горой, которая называется Урал-Камень¹². Это высокая, крутая и скалистая гора, голые склоны которой кажутся белоснежными тем, кто смотрит на нее. На конечном участке нашего пути окрестности стали уже гористыми, а дорога соответственно ухудшилась. Кроме тех деревьев, которые встречаются у нас, в здешних лесах можно было видеть также лиственницу, кедр и др.

После переправы на пароме через реку Язьва, мы поздно вечером прибыли в Верх-Язьву, которая расположена у этой реки¹³. В этой деревне мы и думали остановиться, поскольку во время пути нам было рассказано, что здесь проживают пермяки. Однако в этой деревне мы услышали, что тут живет только несколько пермяков, причем они уже почти полностью обрусевшие. Поэтому местом проведения обследования решили выбрать другую деревню, Паршакову, в восьми верстах к востоку от Верх-Язьвы. Жители рассказали, что там проживают одни пермяки. После отдыха в первой половине дня на постоялом дворе, мы снова сели в повозку и через некоторое время приехали в Паршакову¹⁴.

Деревня, которая также расположена у упомянутой реки, является, как нам и было рассказано, сплошь пермяцкой. Жилье мы получили у дьякона этой местности. Он любезно отдал в наше распоряжение свою маленькую горницу. Значит, мы теперь оказались среди дальних родственников, и надо сказать, что жители деревни встретили нас с большой любознательностью. Уже рано с утра группа мужчин, женщин и детей пришла в нашу избу, чтобы посмотреть на нас. Безмолвно они смотрят на нас некоторое время, удивляются и перешептываются. Наконец кто-то из группы задает прямой вопрос: «Что Вы делаете здесь?» Вот сейчас начнется строгое обсуждение того, кто мы такие, откуда и зачем мы приехали к ним и т.д. Хотя нам кажется, что наши объяснения и не удовлетворяют их до конца, поток вопросов все-таки прекращается, но только до того момента, пока что-то из наших вещей не привлекает их особое внимание. Такими предметами, прежде всего, являются лопарские сапоги, зонтик и фотография маленького сына доктора Генетца. Эти вещи, особенно фотография, представляют для них предметы неустанного удивления: «Ах, вот оно, картинка твоего сына, такой красавец!» Затем начинается осмотр других вещей, и о каждой из них задается нужное количество вопросов касательно стоимости, назначения и др. В первые дни нашего пребывания «визиты» такого рода продолжались с утра до вечера, даже тогда, когда мы спали, до тех пор, когда

¹² Этот камень известен под названием Полюд.

¹³ Село Верх-Язьва являлось центром Верх-Язьвинской волости, в которой проживали язьвинские коми-пермяки.

¹⁴ В д. Паршакова на доме, в котором проживали А. Генетц и С. Нюман, установлена в 1995 г. памятная доска. В этой деревне именем А. Генетца названа улица. В 2004 г. коми-язьвинцев посетила Кирсти Топпари – внучка А. Генетца.

мы попросили нашего хозяина запереть дверь нашей избы на засов. После этого, по крайней мере, мы ночью оставались в покое.

Уровень цивилизации жителей этих местностей очень низкий. Об этом свидетельствует, в частности, такое обстоятельство, что во всей деревне только в нашем доме имеется самовар, который, впрочем, считается символом русской цивилизации. Настоящего чая совсем не было, но какой-то напиток, приготовленный из трав, предлагали нам, когда мы приехали. Причиной такой отсталости является, конечно же, отдаленность от обжитых местностей, но в большей части и то обстоятельство, что пермяки здесь принадлежат к религиозной секте староверов, приверженцы которой вообще живут по старому¹⁵. Они, как это бывает у сектантов, в своей вере очень строгие. Табакокурение считается большим грехом, и относительно нас наши хозяева обычно ведут себя осторожно. Так, однажды, когда мы пили чай вместе с нашим хозяином, он случайно налил себе сливки из предназначенной нам посуды. Дочь, которая со стороны наблюдала за происходившим, громким голосом сделала замечание об ошибке своего отца. Напиток вылили, стакан промыли, и, пообещав в дальнейшем соблюдать большую осторожность, хозяин снова присоединился к нашей компании.

Однако такими замкнутыми, необщительными, какими русские их нам описывали, они не являются. Наоборот, когда предрассудки, связанные с нашим приездом постепенно исчезли (большинство уже верило, что мы не антихристы, как вначале предполагалось), они были весьма любезными. Старый Архип, поп деревни, оказал нам сразу на следующий день свою почтительность. Его сын пришел пригласить нас к ним, чтобы выпить вместе водку. Такое же приглашение поступило также от старосты деревни. И старики некоторое время не перестали удивляться, отчего мы водку пить отказываемся. От водки, а также от домашнего пива, браги, настроение здешних мужиков то и дело веселое, особенно это имеет место во время праздников, которые они часто справляют.

Когда прибываешь в пермяцкую деревню, замечаешь с первого взгляда, что она отличается от русской. Здесь не встречается типичный для русской избы острый конек крыши. Конек, как правило, более низкий и тупоугольный, и этим он напоминает финскую избу. Торцовые стены строений не так регулярно смотрят в сторону улицы, как это принято в русской деревне. Кроме этого, дома стоят более отдельно друг от друга, а у русских они построены в ряд у главной дороги, почти, как в городе. Овин в целом такой же, как вообще в России. Он является строением, которое топится через подземное отверстие и которое стоит на столбах, а хлеб, снопы высушивается на его стенах. Изнутри наша изба также обычного русского стиля: на стороне двери стоит довольно большая печка, которая наверху ровная. Лавки поставлены вокруг комнаты у стен; там же, над окнами, вокруг избы идут полки-доски. На стороне двери вместительный полук, лежак, и он весьма удобное спальное место. Я выбрал себе это место с первой же ночи, а мой спутник, согласно своему статусу, занял себе широкую лавку у задней стены. Однако уже в следующий вечер, когда в избе стало несколько прохладней, я наблюдал, как доктор лезет ко мне на полук. Там, на его подстилке, мы оба и спим с тех пор.

Так же как пермяцкий язык в значительной степени напоминает наш язык, в их внешнем облике тоже есть что-то похожее на финнов. От русских соседей они отличаются своей светлой кожей. Впрочем, пермские народы в целом, подобно своим предкам, которые славились своими богатствами, шустрые торговцы. Это, однако, касается в первую очередь одной из других ветвей пермских народов, а именно зырян. В качестве торговцев-разносчиков они доходят даже до Азии и в этом отношении они опережают русских – из-за чего последние и теснят их.

Раз уж я упомянул о торговцах, расскажу теперь об одном случае, связанном с этой сферой, который недавно в один день очень взбудоражил жителей нашей деревни. Дело в

¹⁵ Среди язывских коми-пермяков с конца XVIII в. начала распространяться старообрядческая вера беглопоповского согласия, которая сохраняется до нашего времени.

том, что в предыдущую ночь в единственной лавке деревни, в которой продается спиртное, украли весь склад водки. До этого владелец лавки, который сам не живет здесь, по какой-то причине уволил продавца. Тот и оставил свое место, но одновременно исчезла и водка. С утра эта досадная весть распространилась молниеносно по деревне, и в результате вызвала большой шум. Поскольку речь шла о деле, касающемся «общего блага» сельчан, о случившемся было сразу доложено старосте. Вместе с подьячим и несколькими другими мужиками он пошел отыскивать пропавший товар. К ним присоединилась еще группа людей, и теперь они во главе со старостой начали обходить дворы, а остальные с любопытством ждали результатов. Надежда на то, что розыск увенчается успехом, прибавила стремительность у мужиков продолжать их поиски. К вечеру, после прилежных поисков, бочки нашли в лесу у реки. Радость была всеобщей. С триумфальным шествием их привезли в деревню (к нашему хозяину, так как жители привыкли собираться у него), и для того, чтобы по-настоящему радоваться удачной находке, мужики открыли одну из бочек. Правда, владельца на месте не было, но зато потом пришел вор. Когда ему стало известно, что укрытый им товар был найден, он счел наилучшим вариантом придти, чтобы признаться. Таким образом, по крайней мере, в течение одного вечера он смог присоединиться к тем, кто получали удовольствие от его спрятанного сокровища.

В Вознесение¹⁶ под вечер мы совершили прогулку в Верх-Язьву, так как тамошний священник пригласил нас к себе в гости. Во время первой половины дня погода была прекрасной, но затем из-за гор стали подниматься черные тучи, и как только мы отправились в дорогу, началась сильная гроза. Дождь полностью испортил лесную дорогу, которая уже до этого была достаточно грязной. Промокшие до нитки мы через полтора часа достигли селения, где находится церковь. Мы сразу же пошли к дому священника, но когда мы вошли в него, перед нами открылась странная картина: священник лежит на стуле в беспомощно пьяном состоянии. Трудно было сказать, надо ли нам смеяться или же сжалиться над хозяином, который пригласил нас в гости и принял таким странным образом. Однако старик как-то все-таки поднялся, и, голосом, который не оставил сомнения в том, кто является хозяином дома, велел принести нам угощение. Скоро на столе появился большой рыбный пирог. К счастью к нашей компании присоединился учитель школы – милостивый и любезный мужчина. Нас угощали чаем, время шло, а наши глаза постоянно были прикованы к лежащему на столе рыбному пирогу, но, к нашему огорчению, священник на это никакого внимания не обращал. Поскольку хозяин так и не предложил нам попробовать пирог, мы, после того как ожидаемая нами почта из Чердыни прибыла, попрощались с ним, и пошли обратно в сторону Паршаковой.

С. Н.

Письмо №3, д.Пирогово, 1 июля 1889 г.

(«Uusi Suometar». 17 июля 1889 г.)

От пермяков мы уехали 13 июня. На самом деле мы намеревались провести там немного больше времени, чтобы собирать образцы речи, но оказалось, что таковых довольно мало. Запас эпических песен этого вымирающего народа иссяк, и те отрывки, которые еще имеются, в большинстве случаев сформированы из русских элементов. У детской кроватки пермяцкие матери еще поют на своем языке, но эти колыбельные песни и представляют почти все, что они имеют из своего песенного наследия¹⁷.

¹⁶ Праздник Вознесения Господня празднуется в 40-й день по Воскресении Иисуса Христа (Пасха).

¹⁷ О результатах изучения языка и фольклора коми-язьвинцев см.: A.Genetz. Ost-Permische Sprachstudien. Helsingfors, 1897.

В тот день, как я уже писал, мы с нашими вещами разместились в повозке, и в 7 часов вечера наша тройка тронулась в путь по направлению к Чердыни. От продолжительных дождей наша дорога, в особенности вначале, оказалась в довольно плохом состоянии. Поэтому наши лошади временами чуть ли не утопали в грязи. Из-за отсутствия дорог в этих краях преимущественно ездят верхом. В двух верстах к востоку от дома, где мы остановились, конная дорога совсем кончается. Дальше по горам ведут только тропинки. В Верх-Язьве мы ждали до полуночи прибытия почты. Накормленные и новостями из Финляндии, и чаем из самовара почтмейстера, мы продолжали наш путь вперед.

Вернувшись опять на Восточно-Европейскую равнину¹⁸, мы в наших мыслях еще совершили прогулку по тем окрестностям, которые только что покинули. В первую очередь вспоминались очаровательные горные пейзажи, о красоте которых мы слышали предварительно уже по пути туда.

Антипина – небольшая деревня в двух верстах от Паршаковой, одна из крайних этого участка Урала. Туда мы чаще всего и направлялись в наши обычные вечерние прогулки, и надо признать, что природа тамошнего горного ландшафта раскрывается в красивейшей форме. Дорога от нашего дома до Антипиной шла по краю очень глубокой долины, совсем над пропастью. Склоны долины здесь покрыты высоким и суровым еловым лесом. Ели, которые растут у дороги, смотрят, шумя пренебрежительно, на своих соседей, расположенных ниже по склону, а те напрасно пытаются поднять свои остроконечные шпильки хотя бы до уровня корней первых, и зная, что они на самом деле не менее высокие, чем расположенные выше ели, вынужденно примирившись со своим низким положением, молчат. В ответ на шум вышерасположенных елей из глубины не слышны даже шорохи. Эта обрывистая и безмолвная пропасть смотрится со странным чувством. Кроме ее бездонности глаза там ничего не различают – и все-таки там внизу есть движение и жизнь. Дело в том, что там, в глубине, течет река Язьва, хотя ели, растущие на склонах, закрывают ее полностью от взора. Бесшумно и спокойно она течет там своим течением. Ей остаются неведомыми и ветры и бури, терпеливо приспособляясь к капризным поворотам своего защитника, которым являются склоны гор. Откос на противоположной стороне долины более пологий, а за ним открывается просторный пейзаж, наполненный холмами и впадинами, которые все покрыты ельником-кедровником.

На нашей крутой стороне густые деревья местами не стоят так плотно, и тогда из глубины сияет серебристая поверхность реки. Освещенная лучами солнца, она выглядит действительно обаятельно шикарной. За одной излучиной недалеко от деревни весь склон внезапно раскрывается, и тогда перед нами открывается огромное, постепенно повышающееся гористое пространство, где одна сопка за другой поднимается все выше и выше, и где самые отдаленные вершины видны только в сером и неотчетливом виде на фоне небосклона. Некоторое время мы еще можем любоваться долиной Язьвы, так как поверхность реки еще пару раз сияет перед нами, но затем она теряется среди лесных великанов. Оказалось, что около Антипиной берет свое начало какая-то тропинка, идущая вниз ко дну оврага. Однажды я решил спуститься по ней. Тропинка шла почти как ступеньки, изгибаясь среди бесчисленных густых елей, причем вокруг меня стало скоро темно. Я уже спускался некоторое время, спотыкаясь неприятно несколько раз, когда, наконец, увидел реку. Но отсюда дальнейший путь вниз следовал почти вертикально. Очевидно, самые трудные места были еще впереди, и поскольку я не хотел неожиданно упасть в реку вниз головой, я полез обратно наверх. Благополучно достигнув места, откуда я пошел вниз, я посидел еще некоторое время на этом холме, а потом отправился к своему дому.

¹⁸ Автор письма имел в виду ту часть Чердынского уезда, которая приходится на восточную окраину Русской равнины.

Одновременно с вышеупомянутыми делами мы также вспоминали о нашем добродушном хозяине, Филиппе Куприяновиче, с которым мы стали особенно хорошими друзьями. Впрочем, в этой деревне он был самым образованным человеком (служил в свое время в армии), и он смело объяснил своим соседям, что мы не являемся антихристами, землемерами или другими странными существами, каковыми они нас вначале представляли. Маша, 19-летняя дочь главы семьи, была самой красивой девушкой в деревне и потому умела хорошо кокетничать. Она каждый день носила матерчатые сапоги, которые другие носят только по праздникам, умывалась пару раз в неделю, то и дело меняла и пополняла серьги и т.д. Ко мне она относилась очень дружески и пыталась привлечь мое внимание: то по возвращении с дойки брызгала молоком, то хлопала меня по спине каким-нибудь предметом, или же давала мне какие-то другие легкие щелчки.

Наша тройка мчится уже далеко по равнине, и мы приближаемся к месту переправы через Вишеру. Так как лошадей надо гнать на паром, мы высаживаемся из повозки. Получилось так, что паром был у противоположного берега. Там же можно было видеть маленькую избу паромщика, откуда сразу же вышли пятеро мужиков, обветренных и бородатых, чтобы переправить паром через реку. Над двумя большими лодками была построена просторная палуба с перилами. На двух концах плота на высоте около двух локтей есть канатный шкив. Толстый канат, который соединяет берега, идет по этим шкивам. С его помощью нетрудно передвинуть паром с одного берега на другой, совсем без весел (в узких местах переправляются только на лодках с веслами).

После перевоза через Вишеру остается лишь семь верст до Чердыни, куда мы и приехали 14 июня около полудня. Чердынь отличается прекрасным расположением на правом берегу Колвы. Она находится на высоком месте, и с этого берега открывается просторный вид на восток, где, на расстоянии около десяти миль, возвышаются первые горные гряды Урала. А Урал-Камень, о котором я упомянул раньше, теперь уже сбросил свой снежный покров, и его серые скалы торчат голые.

Растаял снег и в городе. Представляя забавную смешанную компанию, лошади, коровы, овцы, козлы и др. теперь гуляли на зеленеющих улицах, и ели свежую траву. Однако настоящие пастбища чердынских животных находятся на противоположном берегу реки, где луга весьма обширные. Впрочем, этот маленький, отдаленный провинциальный город оказался во всех отношениях симпатичным, его жители были приветливы, и те тринадцать дней, которые мы там провели, прошли приятно. О том, как мы отметили Иванов день, многое не расскажешь. Мы только купили к празднику сигары по лучше, и пару толстых лещей. В этом и заключились наши праздничные приготовления.

Из Чердыни мы продолжали наш путь к вотякам 26 июня. Главной целью был с самого начала Ижевский ружейный завод. Дорога туда поворачивает от станции Гольяны, которая на правом берегу Камы, около 74 миль к югу от Чердыни.

Утро было прекрасное, настоящее летнее утро севера, когда пароход отбывал от чердынской пристани. Возникло такое чувство, что путешествие освежает как душу, так и тело. Поэтому желания долго оставаться в каюте не было. Вначале мы плотно позавтракали в хорошо оборудованном ресторане парохода, а потом направились на палубу, чтобы подышать свежим воздухом. Около Чердыни Колва еще довольно неширокая и извилистая, но недалеко она сливается с Вишерой, в нее она впадает справа. После этого река стала расширять свои берега все дальше и дальше друг от друга, скоро она стала такой же могучей и широкой, как и Кама, к которой мы приближались. День прошел быстро, и ночь была как бы его продолжением, потому что от жары спать было почти невозможно.

После плавания продолжительностью ровно в сутки, мы на следующее утро прибыли в Пермь. Здесь у нас был всего лишь час времени для остановки. Поэтому мы только быстро приобрели в запас разные дорожные принадлежности, главным образом, в книжных и колбасных магазинах.

Пермь была одета вполне в летний наряд. Парк, через который мы шли, был такой густой, что лучи солнца не могли проникнуть до его дорожек. Хотелось бы остаться в его освежающей тени, но нам надо было спешить к реке. «Отец», на который мы сели, был одним из самых больших из тех двухпалубных пароходов, которые как бы сформировали другой город в пермском порту. Для пассажиров первого и второго классов на подобных судах предлагаются всякого рода удобства: отдельные изящно обставленные каюты, в которых, кроме разных украшений, расставлено также по паре диванов и столов, уютный обеденный зал и вдобавок к этому еще салон для общения – все это в отдельности для обоих классов. А при хорошей погоде палуба парохода выглядит удобным местом для прогулки и сидения – возможности, которых пассажиры третьего класса не имеют. Для избежания опасности пожара пароходы оснащены электроосвещением.

В 9 часов утра «Отец» подал громкий гудок через свой пароттовод, повернул налево, и мы поплыли по течению Камы в южном направлении. Если на верхней Каме до Перми преобладает русский язык, то к югу от нее начинается смесь языков. Примером этому служит наш пароход, который похож на вавилонское столпотворение. Причем оно после каждой остановки ощущается все сильнее. Из представленных в этой сумятице групп людей уже старыми знакомыми являются татары. Возле базарных ларьков они выделялись своими коричневыми халатами с широкими полами и лицами почти такого же цвета. Смуглолицых тюрков, в тюрбане и с густыми черноватыми усами мы отличали от других людей еще потому, что они сидели на полу, причем ноги у них были скрещены подобно тому, как это обычно делают портные. Так же, оказывается, сидят и киргизы¹⁹. Они могут разговаривать и с татарами, и османами подобным же образом, как финны с эстонцами, поскольку они все представители тюркских племен. Кроме других народов России, например, родственников для финнов, здесь также можно слышать речь носителей западных культур: немцев, англичан, итальянцев и др.

Наиболее бойкая жизнь идет в третьем классе. Вообще русские – люди достаточно музыкальные. Где бы только два или три русских не сидели вместе, один из них, по крайней мере, имеет с собой гармошку, меха которой он растягивает с примечательной настойчивостью. Инструменты у них бывают всевозможные, но я впервые увидел, как на корабле играли на церковных колоколах. Все дело в том, что один старик имел с собой макет деревянной церкви высотой в локоть. У нее были как большие, так и маленькие башни, двери, окна и др. В центральной же башне, как это принято в России, висел ряд больших и маленьких колоколов. Самый крупный из них был величиной с обыкновенного бубенца. К языкам колоколов были привязаны нитки, и с их помощью мужик играл на колоколах торжественно, с большим усердием, не обращая ни малейшего внимания на звуки светских инструментов. Иногда он и запевал. При всем этом он следил через окно за пейзажем, и коль скоро он замечал на берегу церковь, начинал играть еще громче. Несколько путешествующих монахинь собрались вокруг старика и внимательно слушали его музыку.

Вечером на палубе корабля мы могли наблюдать еще за одним благоговением: один мусульманин проводил свою вечернюю молитву. Он подыскал на палубе уединенное место, развернул там изящно расшитый кусок ткани, повернулся лицом в сторону Мекки и опустился на колени. В этой позе он пребывал долго, шептал про себя что-то, прижимал потом свое лицо к полу и целовал его несколько раз. Наконец он поднялся, но, сделав разные знаки своими руками, снова опустился на пол. Почти полчаса продолжалось это действие, и за это время он много раз совершил те же процедуры. Потом он свернул свой коврик и пошел отдыхать под покровительством Аллаха.

В течение всего дня погода благоприятствовала, и время прошло незаметно. На корабле были и девушки, а среди них и настоящие красавицы. Но если судить реально,

¹⁹ В XIX в. киргизами называли казахов.

нужно иметь в виду, что очарование русской девушки может оказаться и обманчивым, приятное вечернее обаяние ее щек может к утру легко исчезнуть.

Мы сошли с корабля еще ночью. Наше судно причалило к пристани около полуночи. Это место называлось Гольяны, и отсюда начался сухопутный участок нашего пути в Ижевск. Сначала мы зашли в постоялый двор, надеялись, что можно поспать. Но на самом деле получилось совершенно иначе. Как только мы улеглись, началась кровавая борьба с блохами и иными насекомыми, и она продолжалась до самого утра, до того, как мы сели на тройку, на которой проехали четыре мили до Ижевска.

После Гольян дорога сначала пересекала огромное ржаное поле, простиравшееся несколько верст во все стороны. По-видимому, на этой обширной площади не было ни одной ограды, ни одной канавы. А хлеб рос добротный, он как раз цвел. Земли здесь повсюду возделанные, лесов нет, кроме своеобразных аллей, в тени которых мы зачастую могли преодолевать большие расстояния. На обочине тракта стоят в длинном плотном ряду, местами даже в двух параллельных рядах, развесистые березы, в тени которых путешественник в знойный летний день полностью защищен от лучей солнца. Такие насаждения в России встречаются вдоль многих трактов, вплоть до границ Сибири.

Русский ямщик гнал лошадей с бешеной скоростью. В результате мы уже через три с половиной часа сидели в уютном ижевском ресторане и ели уху, отчего мучения предыдущей ночи были быстро позабыты. Ижевский ружейный завод со своими окрестностями – отменное место. В селе, которое построено в стиле города, причем отчасти весьма представительно, насчитывается более 10 тыс. жителей – русские, вотяки, немцы и, кажется, даже несколько финнов. Александр Григорьевич, русский купец, с которым мы уже во время пути на Волге заключили вечный дружеский союз, очень обрадовался, когда мы вечером навестили его. Он угощал нас наилучшим образом и предложил остановиться у него. Более того, он предупреждал, что остановиться в какой-нибудь вотяцкой деревне совершенно бессмысленно, так как там люди, лошади и коровы едят из одной и той же посуды.

Несмотря на все предупреждения купца, мы выехали из Ижевска 30 июня, чтобы остановиться в находившейся в семи верстах от завода вотяцкой деревне Пирогово. Здесь мы получили жилье в новой избе местного жителя Константина Ивановича. Изба эта довольно чистая и вполне удовлетворительная, если не учесть состояния печи, и, самое главное, отсутствия поластей. О жителях я пока ничего не могу сказать. Во всяком случае, на первый взгляд они плохого впечатления никак не производят, и, как я полагаю, купец молотил чепуху относительно того, как здесь принимают пищу.

С. Н.

Письмо №4, Самара, 1 августа 1889 г.
(«Uusi Suometar». 15 августа 1889 г.)

Вотяки, которые относятся к группе пермских народов, как по языку, так и по географическому расположению, предстают связующим звеном с волжскими финнами. Они по многим меркам отличаются от своих родственников-пермяков. Несмотря на то, что они тоже живут в окружении русских, они, тем не менее, в значительно меньшей степени подверглись обрусению и сохранили немало своих обычаев. Между собой вотяки всегда общаются на своем языке, даже тогда, когда присутствуют чужие им люди, а дети совсем не владеют русским языком. Отчасти то же самое касается и женщин. Как только мы появились в вотяцкой деревне, на нас приятное впечатление произвела та чистота, к которой вотяки стремятся, а пермяки о ней почти не имеют понятия. Вдобавок можно еще указать и на такой положительный момент, что поведение здешних деревенских жителей

выделяется определенной изящностью, во всяком случае, по сравнению с их северными сородичами.

Таким образом, мы жили неплохо у вотяков. Вообще они довольно бедные и жалуются на сегодняшние времена, хлеба на пропитание не всегда хватает. Сначала их отношение к нам было несколько настороженное. Они полагали, что как только мы увидим их праздничный наряд, доложим царю, что они богатые, отчего он увеличит им налог. Но недоверие вскоре исчезло, и мы жили с ними в полном согласии.

Если дозволяется, в начале я коротко останавливаюсь на том, с какой семьей мы здесь живем. Следует сразу отметить, что в нашем доме три хозяйки, а именно старшая, средняя и младшая. В данной ситуации удивляет то, что все они живут дружно между собой. По объяснению средней, это возможно благодаря тому, что старшая хозяйка командует ею, а она, в свою очередь, следит за тем, чтобы младшая не отклонялась от ее указаний.

Самое забавное существо, однако, старая бабушка. Внешне она как обыкновенная старушка, низкого роста, кругленькая, очень полная бабушка. Хотя ей уже более 80 лет, она, тем не менее, производит впечатление некоей девственной легкости, к примеру, косит сено и хлопочет по хозяйству, как молодые. По вечерам она обычно со своей чашкой приходит в нашу комнату, чтобы вместе с нами выпить чай и разговаривать. Это именно она и разогревает самовар, и убирает нашу комнату, словом, по-матерински заботится о нас. Во время петровского праздника²⁰, однако, с ней случилось небольшое бедствие. В тот день, после полудня, мы вместе со старушкой пошли посмотреть вотяцкую свадьбу, которая справлялась в нашей деревне. Оттуда я вернулся через некоторое время домой, но бабуля еще хотела остаться на свадьбе. Уже вечерело, и наступило время самовара, но ее все не было. Мы ждали-ждали, а затем удивлялись, когда, наконец, открылась калитка, и бабушка, при поддержке двух баб, возвращалась домой в сильном опьянении. Ноги ее совсем отказали, и по узкой лестнице ее можно было только с большим усилием довести до своей комнаты. Мы предполагали, что после столь тяжелого состояния бабушке нужно утром долго лечиться от похмелья, но в действительности ничего такого не было. Когда мы утром встали, она уже приготовила нам чай.

Петровский праздник – один из самых больших, и подготовка к нему велась уже несколько дней заранее. Приготовили праздничные блюда и напитки, сварили кумышку, стирали и чинили праздничные наряды. Накануне вотяцкие женщины надели на себя яркую одежду.

Давайте рассмотрим вотяцкий женский народный костюм. На голове женщина носит башнеобразный головной убор высотой немногим более половины локтя, передняя сторона которого полностью покрыта серебряными монетами. Задняя же сторона головного убора также роскошно вышита, она спускается вниз по спине до талии. Вся грудь обшита «панцирем», сотнями серебряных монет, которые, как чешуя, располагаются от шеи и плеч до пояса. Само платье прямое, довольно короткое, без каких-либо сборок, украшено красочными поясами и лентами. В нем вотяцкая женщина выглядит представительно. На ногах у женщин сплетенные из лыка лапти, которые прикрепляются лентами к белой ткани, закрывающей ее ноги от колена до ступни. Вдобавок ко всему этому волосы обильно украшаются серебряными монетами и другими декоративными предметами из металла. В целом одежда со всеми своими особенностями производит роскошное впечатление.

Каждая семья молилась в куале²¹ Инмара. Корни этой традиции восходят к вотяцкой языческой вере. Вотяки представляют единственный из пермских народов, который еще

²⁰ Так обычно назывался праздник в честь св. апостолов Петра и Павла, праздновался два дня – 29-30 июня по старому стилю.

²¹ Куала – летняя кухня и культовая постройка удмуртов (вотяков).

во всей полноте сохранил свою оригинальную веру. Верховный бог Инмар – тот же самый, что и наш Илмари – для них гений-хранитель. Младший брат Инмара – керемет. Он тоже был первоначально добрым, но потом стал злым духом. Кроме семейных молений, бывают также и крупные общественные моления продолжительностью с утра до вечера. Для их проведения около деревни стоят священные рощи, но кроме них местами на лугах и полях стоят одинокие деревья, под которыми проводятся праздничные мероприятия – молебны, жертвоприношения богам и духам овцами, птицей и т.д. Некоторое время назад ходили слухи, утверждающие, что на одном из таких праздников принесли в жертву русского священника. На самом же деле случилось так, что вотяки однажды поколотили русского дьячка, а тот, чтобы отомстить, впоследствии распространил такую страшную небылицу.

Давайте возвратимся еще к той свадьбе, в которой мы вместе с бабушкой принимали участие. Когда мы вошли во двор, там плясали и пели. Поскольку в этом ничего особенного не увидели, мы прошли дальше, и попали в свадебный дом. Возле двери был старичок, которому, в качестве входной платы надо было дать папиросу. Изба оказалась битком набита людьми, как приглашенными, так и незванными гостями. Молодые люди объединились в шатающуюся и шумящую толпу около полатей.

В тот момент, когда мы вошли, шла праздничная трапеза. Длинный стол был заполнен различными кушаньями. Вокруг него сидела пестрая, оснащенная ложками компания, которая в строгом беспорядке употребляла то одно, то другое блюдо. Особое внимание у стола привлекли к себе пять-шесть поющих девушек, которые были одеты в роскошный праздничный наряд. Во время кушанья они пели свадебные песни (все по-вотяцки, а пермяки же на свадьбе поют исключительно на русском языке). Остальные люди – те, которые уже ели, и те, которые еще ждали своей очереди сесть за стол – либо сидели, либо стояли в толпе людей, подпевая поющим. В гуще толпы хлопотала одна старуха, которая держала под мышкой огромную бутылку спиртного. Она беспрестанно наливала как сидящим у стола, так и другим гостям. Старушка имела при себе стакан, и она часто выпивала содержимое в нем сама. С особенной настойчивостью она наливала поющим, и хотя некоторые из них как-то пытались возразить, стакан непременно надо было выпить до дна – иначе старушка просто отказывалась взять его обратно в свои руки.

Выяснилось, что в данное время невеста отсутствовала, и так как показалось, что трапеза будет продолжаться до бесконечности, я решил выйти из праздничного дома.

Прожив в Пирогове пару недель, мы 14 июля переехали в другое вотяцкое селение с названием Юськи, которое располагалось в 16 верстах к востоку от Пирогово²². В Юськах живет Николай Иванов. Он вотяк по происхождению и работает здесь учителем сельской школы. Будучи еще семинаристом, он был языковым информатором венгерского доктора Мункачи²³.

В Юськах наш авторитет резко повысился: в деревне ходили слухи, что мы – родственники царя. Мы были рады лестному обращению, тем более что нам выделили большую светлую комнату с пятью окнами, и наше удовольствие достигло своего апогея. Но в день приезда вечером, когда мы в приподнятом настроении от всего этого сидели у самовара, обнаружили странную вещь: с наступлением сумерек стены нашей комнаты стали коричневыми, причем слышались шорохи, как при дожде. Что-то упало с потолка на пол и на наши головы. Те существа с длинными усиками, которые затем вскоре появились на столе, позволили нам установить, что мы оказались в царстве тараканов. Это наблюдение уменьшало ту удовлетворенность, которую мы еще совсем недавно ощущали. Но, как говорится, нужда всему научит. Был придуман так называемый танец по тараканам.

²² Здесь С. Ньюман допускает неточность. Село Юськи к югу, а не к востоку от Пирогово.

²³ Б.Мункачи – один из основоположников венгерской этнографической науки, приезжал к удмуртам в 1884 г.

Пусть время покажет подлинную значимость этой находки, для нас она была единственным способом спасения. Объясню ее главные процедуры. С наступлением сумерек по стенам, на лавках и на подоконниках раскладываются крошки каравая, смоченные куски ткани, маленькая чашка со сливками, пустые берестяные коробки и др. Через некоторое время ловушки заполняли тараканы. Их проверяли, и тараканов осторожно бросали на пол. Вот тут и начинался танец, который заключается в том, что тараканов с изрядным шумом растаптывали. Когда хозяйка дома впервые увидела нашу репетицию, она очень встревожилась и прибежала к двери нашей комнаты. Но, увидев, чем мы занимались, немедленно успокоилась. По утрам, когда хозяйка приходила убирать растоптанных тараканов, пол представлял ужасный вид. Наша находка имела успех и постепенно численность наших врагов существенно уменьшилась.

Мы избавились от тараканов, и жизнь нам опять показалась приличной, если не учесть еще одного обстоятельства, которое было неприятным многим путешественникам в России, и против которого мы так и не могли ничего придумать. Я имею в виду собак. В каждой избе этих животных обязательно имеется не менее двух-трех, и по ночам они производят очень грубый и большой шум. Как только из одного двора деревни слышится лай, все собаки тут же присоединяются к нему, и поднимается вот такой шум, при котором даже соня не мог бы спать.

Наш дом располагался рядом с домом священника. Под густыми липами живет милый и дружелюбный отец Александр, местный духовный пастырь, с двумя дочерьми. У него можно было интересно проводить вечер, как это, в общем, часто бывает в домах священников. К чести отца Александра следует сразу же сказать, что он совсем не употребляет спиртного, и вообще он человек образованный. Ему были известны дактили, ямбы, александриты и др., причем он очень любил поэзию и музыку. Он с охотой беседовал с доктором Генетцем по вопросам религии, и ему, кроме того, понравились финские народные песни. Поэтому моему спутнику приходилось исполнять такие песни, а затем еще и объяснить старику их содержание. Николай Иванов, в свою очередь, прилежно играл на своих гусях вотяцкие и русские мелодии; а когда еще, вдобавок, группа маленьких вотяцких девушек по вечерам собиралась под нашим окном, чтобы петь песни об Инмаре, остается лишь отметить, что нам предоставлялось немало музыкального удовольствия.

С вотяками мы попрощались 27 июля и отправились в путь к мордве. В начале нам предстояло, кроме дороги от Юськов до Гольян (это расстояние шесть с половиной миль), путешествие протяженностью около 110 миль на пароходе по Каме и Волге до Самарской губернии. В столице той губернии мы думали провести несколько дней.

Вечером упомянутого выше дня мы двинулись в сторону Камы. Через пару часов наша тройка остановилась около Ижевского ружейного завода, потому что нам необходимо было зайти попрощаться с нашим замечательным другом Александром Григорьевичем. Об этом молодом, зажиточном купце и его жене я могу сказать, что в них, как мне представляется, соединились в полной мере такие качества, как финская прямота и откровенное русское дружелюбие. Дружелюбные люди среди русских – не редкость, таких мы встречали везде во время нашей экспедиции. Но особенно нам понравилась эта купеческая семья. При нашем отъезде доктор Генетц подарил молодой хозяйке на память нашу изящную корзинку для провизии. Выразив благодарность и попрощавшись, мы снова сели на тройку. Ночь была темная, но теплая, и около часа ночи мы добрались до пристани Гольяны.

Неповторимо прекрасным показался водный простор Камы той тихой ночью. Яркие звезды и едва брезжащая зорька на восточном небосклоне отражались прелестным образом на зеркальной глади реки. А на юго-западе, где берега вовсе не видно, звездное небо продолжалось в безграничную даль и как бы образовало в водной глубине второе космическое пространство. Сигнальные огни на берегах еще дополняли эту своеобразную

иллюминацию. Через пару часов утренний рассвет сделал небо на востоке красным, и тогда река несравненно сверкала. Можно было воображать, что она формирует огромный багряный пояс, обвитый вокруг земного шара. На таких фантастических представлениях, связанные с явлениями природы, зачастую и основывается мифология о богах у разных народов. Когда я наблюдал все это, мне вспомнилось, что вогулы считают Уральский хребет серебряным поясом батюшки Тарома²⁴. Его завязал вокруг земли один из сыновей бога для того, чтобы предотвратить разложение земного шара, когда он еще имел вид глыбы водянистой земли.

В три часа утра на севере был слышен гулкий гудок, и скоро из-за одного мыса приплыл крупный белый пароход с названием «Синь». Через некоторое время он причалил к пристани. Мы сели на судно. Оно было набито пассажирами, которые, как показалось, ничего не ведая о том, что творится кругом, спали крепким сном. Это были всевозможные люди и существа. Тут спит на полу какой-то почтальон, блестят пуговицы его форменной одежды. Он оказался в счастливых объятиях с мелочным торговцем-татаринном. На полке над ними храпят две солидные бабы-киргизки, и если бы они свалились оттуда, то это принесло бы мужикам бедствие. В кормовой части корабля сорок-пятьдесят спящих татар; их обритые головы – тюбетейки с них упали, – выглядят как будто брюквы. А вот рядом с кучей чемоданов и дорожных сундуков спит молодая девушка. Ее сон мог бы также неприятно прекратиться, если бы случилось так, что священник, лежащий на вершине кучи скатился бы оттуда вниз.

Так как все полы, коридоры и скамьи были переполнены спящими людьми, нам приходилось долго искать себе место (на этот раз мы ехали в третьем классе). Наконец доктору Генетцу удалось возле одной толстой пары найти место для придуманной им постели (о ней я расскажу иной раз), но для двоих там места не хватало. Мне пришлось продолжать свои поиски, и на большой куче ящиков, куда, как ни странно, уже раньше залез русский поп, я, наконец, устроил себе спальное место. Чуть-чуть мне надо было подтолкнуть старика на сторону, и вскоре мы совместно спали. Он оказался весьма спокойным спальным товарищем, и это было необходимо, чтобы мы оба могли удержаться на вершине кучи. Утром поп вышел из корабля на одной из остановок.

Высокое положение, единственным обладателем которого был сейчас я, было, наверно, дано мне самой судьбой. Дело в том, что когда я проснулся, на другой стороне коридора, совсем рядом со мной находилась одна русская красавица. Она была молодая, невысокого роста, очень красивая черноглазая девушка. Изящная рука, или ручонка, если пользоваться поэтическим выражением, держала большую книгу, на которую ее черные глаза были направлены. Как мне удалось заметить, это были стихотворения Пушкина, что дало мне еще дополнительный повод восхищаться моей прекрасной соседкой.

Весь день был приятным, не говоря об отличной погоде и берегах с тополиными рощами. На следующую ночь место рядом со мной занял один магометанин. Как будто из озорства он положил свою подушку рядом с моими ногами, и, следовательно, распрямил свои ноги в противоположном направлении. Впоследствии, как я и ожидал, ночь получилась совсем не спокойная, потому что этот тюрк двигал ногами во все стороны, а сам спал страшно крепко. Таким образом, когда корабль утром прибыл в Казань, где нам надо было провести один день, я выспаться так и не успел. Девушка продолжала свой путь вверх по Волге, а кучу ящиков остался караулить тюрк.

Казань – столица древнего татарского государства. Она расположена на левой стороне Волги, в 3-4 верстах от самой реки. Рядом с городом течет маленькая река Казанка. После сдачи наших вещей в хранение в ресторане, мы пошли осматривать город. Большие, представительные здания, а также шум и кипящая жизнь на улицах говорили о том, что мы приехали в большой город. В Казани насчитывается около 150 тыс. жителей.

²⁴ Очевидно, автор имеет в виду высшего бога манси Торума.

Особо следует сказать об университете – это поразительно длинное здание с фасадом, украшенным колоннами, это здание, по крайней мере, в два раза длиннее, чем наш университет, – а также о древнем кремле города. Его башни и стены, торжественно возвышающиеся на высоком холме, первыми приветствуют приехавших в город людей. На нашей прогулке мы оказались в парке, где были фонтаны, аттракционы, милостивые насаждения и т.д. А в середине всех увлечений был, конечно, замечательный ресторан. Тут мы и решили барствовать, то есть пообедать на террасе ресторана среди цветов. Чтобы наше удовольствие было как можно приятным, по просьбе доктора Генетца зазвучал «орган» ресторана. Если я еще не добавлю, что после еды мы выпили медовуху и стреляли в тире из салонной винтовки в цель, изображающую лоб льва (куда ни он, ни я не попали), то получится лишь какая-то бледная картина об этом бесподобном обеде.

В конце парка открылось обширное поле, где были воздвигнуты каркасы огромных выставочных павильонов. В Казани с первого мая будущего года будет открыта выставка, на которой предстанет срединная и восточная полосы России, Сибирь и Средняя Азия. Посетив еще Духовную семинарию и семинарию преподавателей, мы вечером завершили наш обход. А на следующее утро предстояло продолжение пути из Казани на юг по реке Волге.

Корабль «Великий Князь Владимир», на который мы сели, был построен по американскому стилю. В верхней секции третьего класса, которая заняла одну треть второй палубы, были похожие на койки лавки, на которых могли лежать почти двести человек.

Погода стояла превосходная, как это, впрочем, до сих пор было всегда, когда мы путешествовали. Могучая Волга лежала тихой денно и ночью. На зеркале ее поверхности отражались проплывающие мимо берега, острова и мысы. Перед нашими глазами открылись такие панорамы, которые долго не забываются.

После езды с продолжительностью в сутки – с остановками, среди прочих, в Симбирске – мы, наконец, 31 июля приехали в Самару. Жара была удушливая, термометр показывал свыше сорока градусов, и над городом дымился пыльный воздух.

Завтра продолжим путь по Самарско-Уфимской железной дороге к мордве.

С.Н.

ВЫШЛА В ДЕКАБРЕ

STUDIA SLAVICA FINLANDENSIA

TOMUS XXI

**RUSSIAN-SPEAKING
IMMIGRANT POPULATION
IN FINLAND**

**РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ
ФИНЛЯНДИИ**

Seminar in Helsinki, 25-26 September 2003

Editor

Petra Sinisalo-Katajisto
with assistance from Katja Hirvasaho and Edvard Hämäläinen

ISSN 0781-3333

ISBN 951-707-107-8

Цена 13 € + почтовые расходы

Продажа:

Библиотека Института России и Восточной Европы

Annankatu 44, 00100 Helsinki

Тел.: (09) 2285 4439, факс: (09) 2285 4431

e-mail: kirjasto@rusin.fi

Библиотека Института России и Восточной Европы

Annankatu 44, 00100 Helsinki

Тел.: (09) 2285 4439, факс: (09) 2285 4431

e-mail: kirjasto@rusin.fi

www.rusin.fi

Библиотека работает пон., четв. 9-18, вт., ср., пятн. 9-16

ISSN 1459-6768